

В издательстве «Искусство» выходит книга известного режиссера, заслуженного деятеля искусств РСФСР Александра Конникова «Мир эстрады». Сегодня мы публикуем отрывок из этой книги.

ЭСТРАДНЫЙ артист играет. Мудрую, все понимающую и всемогущую женщину, как Шульженко. Простецку, лукавую девчонку, как Кристаллинская. Простачка, как Хазанов. И все равно это не совсем такая игра, не совсем такое перевоплощение, как в драме. На эстраде дистанция между образом и человеком, «я» живым и «я» вымышленным гораздо короче. Таково уж оптическое свойство эстрады: в какую бы позицию ни становился человек, его хорошо видно.

Некоторым кажется, что можно спрятаться за музыку, за красивые слова, за стихи. Но они забывают, что она голая, голая земля — наша эстрада и что таков же человек, который появляется на ней. И когда раздушенный сноб с ключами от «Жигулей», с шестью перстнями на пяти пальцах хочет мне внушить какие-то праведные мысли, я не поддаюсь. Мне кажется, что сквозь патетические тексты монолога до меня доносится его подлинный голос: «Если бы я, как прежде, был порядочным человеком, я сказал бы: давайте как следует потрудимся в новой пятилетке. А теперь не могу — пальцы от колец не сходятся!»

Когда человек внутренне пуст, когда нет у него в душе этого сырья, этой глины, из которой можно вылепить нечто достойное внимания, тогда ничего другого не остается, как спрятаться за какой-либо из модных в данную минуту стереотипов. Их всегда достаточно на виду, чтобы каждый нуждающийся мог выбрать для себя подходящий, но и не чересчур много, чтобы никто, упаси бог, не перенапрягся при выборе.

Вот наудачу один: стереотип «заграничного ансамбля». Ударник в нем может быть из Малаховки, а гитарист — из Марьиной Рощи. Но что за беда: черные очки, прически, растительность на лице, не говоря уж о наимоднейших костюмах, — все у них полно первоклассного «европейского» шика, как они уяснили его себе по кинофильмам и модным журналам.

Когда-то я спросил у Смирнова-Сокольского: пойдешь ли он на концерт популярной эстрадной пары? «А зачем? — спросил Николай Павлович. — Ведь меню я уже читал!» С годами я оценил убийственную точность этой шутки. Прочитав такое меню-афишу, можно не затруднять себя походом на концерт: заранее известно, что будет, как будет и даже в каком порядке.

Сначала выйдет весь ансамбль, со всеми его усам и очками и очень громко сыграет начало. Затем вам представлят вас полагается в этом месте немного посмеяться. Про одного «мальчика» сообщает, что он еще не женат (и это будет самый симпатичный или, наоборот, самый некрасивый парень). Если в ансамбле есть кто-нибудь пожилой или лысый, его представляют как самого молодого. Если кто-то зарос волосами до вида полного одиночества, можно «обшутить» и это: «Он жену мало любит, зато очень любит кино». Но лучше всего, если один из музыкантов — толстяк с бородой. Это сразу открывает новые горизонты. Можно сказать, что он любит повесть. А можно, наоборот, пожаловаться, что у бедняги совершенно нет аппетита.

Представленный столь подробным образом оркестр играет еще что-нибудь для закрепления знакомства. Затем выходит самый плохой певец в программе. Правда, распознать это непосвященному

очень трудно, поскольку титул у этого исполнителя не менее пышный, чем у какого-нибудь индийского раджи: лауреат шести международных фестивалей, победитель конкурса в Тьмутаракани. Поет он тем не менее ужасно.

Потом опять играет оркестр, а напоследок выходит «звезда». Чтобы стать примой в та-

ком ансамбле, нужно быть безусловно привлекательной. Голос иметь не обязательно — его с успехом заменяет умелое поведение на сцене.

записки режиссера

ЭСТРАДА, ЛЮБОВЬ МОЯ...

ком ансамбле, нужно быть безусловно привлекательной. Голос иметь не обязательно — его с успехом заменяет умелое поведение на сцене.

А когда оканчивается этот парад красоты и молодости, как любят выражаться спортивные комментаторы, вам говорят: концерт окончен, благодарим за внимание! И зрители расходятся по домам, простодушно веря, что это и есть настоящая эстрада.

Вот истинная мера зла, творимого многотиражными эстрадными стандартами.

ЧАСТО на эстраде возникают люди, не нашедшие себя, но, безусловно, талантливые. Нужно решить, что они будут делать, придумать им номер, амплу, маску — называйте как хотите. Для меня в этой ситуации главный вопрос: чем человек занимается на досуге? Что он любит делать в компании?

Это ключ к человеческой душе, расшифровка ее возможностей.

Тысяча внешних, не зависящих от собственной воли обстоятельств управляет биографией каждого из нас. Какую профессию выбрал, в каком городе поселился, в какой среде живет? Судьба играет человеком — не нами это сказано. Слепой случай, бессмысленное стечение фактов значат порой больше, чем продуманные намерения и выношенные мечты.

Елена Камбурова с ее далеко не однозначным творчеством и порой полярным отношением к нему зрителей, которую многие считают одним из интересных явлений современной эстрады, приехала в Москву с негибимо твердым намерением — поступить в театральное училище, и именно в Щукинское, ни в какое другое. Если бы это намерение осуществилось, в Вахтанговском театре было бы одной хорошей актрисой больше, а у нас — одной своеобразной певицей меньше. Но в училище ее не приняли. Одного этого факта было бы достаточно для того, чтобы доказать всемогущество и одновременно слепоту случая, поскольку счастливыми соперницами Лены оказались девушки, из которых впоследствии так ничего и не получилось...

А для Лены тогда вопрос стоял так: уезжать из Москвы домой, возможно и даже вероятно, расставаясь при этом

и мечтами об искусстве, или... Этот второй, спасительный вариант, и опять-таки совершенно случайно, подвернулся в виде Училища эстрадного и циркового искусства. И выросла певица. Можно любить ее, можно, как говорится, «не умирать», можно усматривать и помогать ей выправлять собственные промахи и творческие просчеты — дело нужное. Но второй такой певицы со «своим голосом» у нас сейчас нет, это точно.

Есть и более драматические, хотя и менее наглядные примеры того, как под давлением не зависящих от нас обстоятельств люди вслепую выбирают профессию, так же, как

и женятся на первых встречных или изменяют своим заветным мечтам.

Но зато увлечение человека — это он сам. Это его суть, его естество, это неистребимая во всяком живом существе потребность в самовыражении. И даже если это увлечение не свое, не родное, а надутое ветрами моды или страстью к подражанию — все что собирают, дай-ка и я начну, — это тоже характеристика, тоже выявление человеческого нутра, только недоразвившегося, не сумевшего стать самим собой.

Драгоценная особенность эстрады — как бы самозарождаться там, где люди шутят, веселятся, поют, разыгрывают и поддразнивают друг друга. Такова естественная атмосфера нашего искусства, его природная среда. Человек и думать не думает о том, что он делает номер, что это можно показывать, а за показ брать деньги. Он просто веселится и получает удовольствие от того, что веселит других, неважно как: кувыркаясь через голову или изображая нелюбимого учителя. И когда все вокруг, катаясь от смеха, начинают подзадавать, подсказывать: а сделай еще то, а покажи еще это — тут и возникает, самопроизвольно и в чистейшем виде, могучий эстрадный дух, некая эстрадная субстанция, без которой жизнь (именно жизнь, а не только концерт или зрелище) делается пресной, скучной и несъедобной.

Так и к А. Райкину, а позднее к Г. Дуднику и В. Чистякову муза впервые явилась в веселый час — за дружеским застольем или в институтском коридоре, где студенты роятся перед трудным зачетом. И какое же счастье, что у них хватило смелости внять призыву этой озорной и до ужаса несолидной музыки!

Познай самого себя. Этот мудрый философский девиз имеет на эстраде конкретный и сугубо практический смысл.

Но, бог ты мой, как это порой оказывается трудно! И какие трагические совершаются ошибки!

Жильбер Беко. Великий эстрадный певец. Создатель целого направления в эстрадном искусстве. Сейчас во всех странах множество людей поют песни собственного сочинения, это никого не поражает, но ведь кому-то надо было начать, и этим человеком был Беко. Но сам он считает

себя композитором. В его субъективном представлении — это его призвание, цель и смысл жизни, а эстрада — черная работа, поденка, годная лишь на то, чтобы принести деньги, без которых ни жить, ни писать оперы нельзя. Рецензии, восторги публики, толпы поклонников его не волнуют и ни в чем не убеждают.

Жильбер Беко написал оперу на сюжет старинной ирландской саги. Предложил ее театру «Гранд-Опера». Полностью взял на себя финансирование постановки. Но опера провалилась.

Однако от этого она не стала для автора ни на волос менее любимой и желанной, как вообще не становятся менее любимыми дети от доставляемых ими огорчений. Может быть, даже наоборот... Беко внес в музыкальный текст исправления и вновь отдал оперу в театр, на этот раз в Лионский. Пока шла работа над постановкой, он очень широко концертировал, чтобы прокормить свое на редкость прожорливое чадо. Заключил контракт с театром «Олимпия». По условиям он должен был выступать ежедневно в течение трех месяцев. Билеты на все вечера были распроданы вперед. И тут подошел вечер премьеры оперы в Лионе. Что делать? И выход нашелся. В Лионе спектакль назначили на час позже обычного времени. В «Олимпии» концерт перенесли, наоборот, на час раньше. Специальный самолет ждал Беко на аэродроме «Орли». Специальная полицейская машина сопровождала его от театра до аэродрома, чтобы ни минуты не пропало зря. Можно сказать, стало национальной проблемой, чтобы Беко успел в Лион хотя бы на апплодисменты. И он успел.

А опера? Опера все равно была плохая.

Но не спешите похлопать мысленно артиста по плечу с приятным сознанием своего превосходства: он, мол, дурачок, ничего не понимает, зато я все вижу насквозь. Такое чувство, естественно, появляться, но ходу ему давать нельзя. В искусстве не всегда бывает ясно, что разумно, а что безрассудно, что рационально, а что так, пустые хлопоты, как говорят цыганки-гадалки. Как бы ни были мы тонки и проницательны, мы воспринимаем все равно лишь результат творчества, его внешнюю, видимую сторону, а каков истинный его механизм, что творится при этом в душе художника, что ему нужно заложить в эту печь, а что не обязательно — нам этого знать не дано. И иногда самое умное — не вдумываться, не анализировать, не обсуждать, а довериться инстинкту и интуиции мастера, предоставить ему быть самим собой, жить и поступать так, как ему хочется.

Жильбер Беко. Кто знает, что представлял бы он собой без этой своей маниакальной страсти? Были бы при этом так же хороши, как теперь, его песни? И хватило бы ему сил — я даже не о духовных силах сейчас говорю, а о самых простых, грубых, физических — так ежевечерне «выкладываться», как делает это он? Как знать...

Или Смирнов-Сокольский. Без его книг и страсти к книгам, без эрудиции, без этого тончайшего ощущения русской истории во все ее периоды и эпохи, русской культуры со всеми ее титаническими именами и трагическими судьбами можно ли было создать его неповторимый жанр эстрадного фельетона?..

А если личные переживания, душевный мир артиста имеют на эстраде такое чрезвычайное значение, значит, тут особенно важно, в какой атмосфере работают люди, какие между ними отношения.

Эстрадная эстетика неразрывно связана с этикой.

А. КОННИКОВ.